

1.3. Несостоявшийся дуэт Маленкова и Хрущева

1.3.1. Партийная вертикаль

В постановлении июльского пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П. Берии» особо подчеркивалось, что «партия является организующей и направляющей силой советского общества», и признавались «серьезные недостатки» в соблюдении уставных норм внутрипартийной жизни и партийного руководства, например, 13-летний перерыв между двумя последними съездами, нерегулярность в созывах пленумов ЦК, отсутствие должной коллективности в руководстве, а также то, что «партийная пропаганда нередко сбивалась на культ личности»{283}.

Особое внимание обращалось на необходимость держать в поле зрения партии работу всех государственных органов и покончить с бесконтрольностью любого руководителя, какой бы пост тот не занимал, «памятуя, что партийное руководство всеми организациями является главным условием успешной их работы». Партийным организациям предписывалось взять под систематический и неослабный контроль всю деятельность органов Министерства внутренних дел, серьезно укрепив их партийными кадрами и усилив партийно-политическую работу среди чекистов{284}. Помимо дела самого Берии на пленуме был рассмотрен и организационный вопрос. Доклад по нему сделал Н.С. Хрущев. «За вражескую деятельность» было решено вывести из кандидатов в члены ЦК и исключить из партии двух из четырех первых заместителей Берии – Б. З. Кобулова и С.А. Гоглидзе. В правах члена ЦК был восстановлен С.Д. Игнатьев. А первого заместителя министра обороны маршала Г.К. Жукова перевели из кандидатов в члены ЦК{285}.

13 июля на объединенном пленуме ЦК и Бакинского Комитета КП Азербайджана, на который из Москвы приехал секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов, разгромной критике подвергся старый друг Берии М. Багиров. Его поведение в связи с делом Берии было признано непартийным и осуждено, а сам он снят с поста председателя Совета министров АзССР и выведен из бюро ЦК КП Азербайджана{286}. А 17 июля его уже исключают из числа кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС{287}.

Усиление партийного контроля над деятельностью всех государственных органов проходило на фоне неявного, но осязаемого соперничества между Маленковым и Хрущевым. В исторической литературе последнего десятилетия получила распространение точка зрения, будто после устранения Берии перед Маленковым «фактически был открыт путь к

официальному лидерству в партии», но, однако, «ни он, ни другие ближайшие сподвижники Сталина не претендовали на эту роль». И объясняется это тем, что, «будучи зрелыми и достаточно трезвыми политиками, они понимали, что связанный с их именем груз преступлений не позволит им обрести доверие и поддержку партии и народа»{288}. Трудно согласиться с такого рода утверждениями. Ни Маленков, ни Молотов, ни Хрущев, как уже отмечалось нами, не были лишены определенных политических амбиций, и эти амбиции сдерживались не совестью, не угрызениями совести и уж вовсе не опасениями оказаться лишенными доверия и поддержки партии и народа, а совсем иными соображениями. И главным ограничителем собственных амбиций служили амбиции других членов коллективного руководства. А реализовать их успешнее мог тот, кто лучше ориентировался в непростых отношениях между отдельными членами Президиума ЦК, умел более тонко интриговать и использовать все аппаратные ресурсы.

На сентябрьском (1953 год) пленуме ЦК КПСС Маленков предложил учредить пост первого секретаря ЦК и избрать на этот пост Хрущева. Случилось это так. В перерыве между заседаниями, в комнате отдыха, где обычно происходил обмен мнениями между членами Президиума ЦК по тем или иным вопросам, Маленков неожиданно сказал:

– Я предлагаю избрать на этом пленуме товарища Хрущева первым секретарем ЦК.

Его с энтузиазмом поддержал министр обороны Н.А. Булганин, воскликнув:

– Давайте решать!

Остальные согласились, хотя и сдержанно. Согласились, как впоследствии признавался Каганович, не потому, что боялись возразить, а просто потому, что если уж и выбирать первого секретаря, то «тогда другой кандидатуры не было – так сложилось». Другое дело, стоило ли учреждать такой пост (должность генерального секретаря ЦК, занимаемую Сталиным, вообще, очевидно, посчитали неудобным занимать после его смерти), причем так неожиданно. Когда потом Каганович спросил Маленкова, почему он предварительно не поделился ни с кем такой важной идеей, тот ответил: «Перед самым открытием пленума ко мне подошел Булганин и настойчиво предложил мне внести предложение об избрании на пленуме Никиты первым секретарем ЦК. «Иначе, – сказал он, – я сам внесу это предложение». Подумав, что Булганин тут действует не в одиночку, я решился внести такое предложение»{289}.

Но слаженного дуэта между главой Совета министров и руководителем Секретариата ЦК не получилось: каждый желал быть в нем ведущим, не подстраивать свой голос к голосу другого. На совещании по кадровым вопросам в ноябре 1953 г., например, Маленков посетовал на перерождение аппарата, на то, что с таким аппаратом обновление страны невозможно. Это вызвало недоумение в зале, перемешанное с растерянностью, страхом и возмущением. Напряженную тишину прервал веселый голос Хрущева:

– Все это, конечно, верно, Георгий Максимилианович. Но аппарат – это наша опора.

Чем вызвал бурные, долго несмолкавшие аплодисменты{290}.

Тактика была выбрана верно. В рамках существовавших властных институтов успех любого реформаторства и судьба самого реформатора во многом зависели от позиции аппарата. Сопrotивление чиновников может обречь на неудачу любое преобразование. Ведь иной организованной силы в обществе попросту не было. И любое обращение к рядовым гражданам через голову властной корпорации делает такого реформатора беззащитным, превращает его в мишень для соперников, ибо нарушает уже установленное, но хрупкое и недолговременное согласие по поводу экономических и прочих приоритетов.

В рамках этого согласия продолжалась и политическая реабилитация. Невинными признали расстрелянных по так называемому «ленинградскому делу». Отменили ссылку для всех, уже отбывших свои сроки заключения. Снимали обвинения в антисоветской деятельности с некоторых коммунистов, никогда не участвовавших в каких-либо оппозициях{291}. Но делалось все это неспешно, выборочно и, главное, негласно. Одновременно Хрущев менял кадры региональных партийных руководителей. Особенно тех, кого в последние годы выдвигал Маленков.

В сентябре 1953 г. пленум ЦК КП Грузии признал неудовлетворительной работу бюро, возглавлявшегося с апреля А.И. Мирцхулавой, обновил его состав и избрал первым секретарем В.П. Мжаванадзе, которого Хрущев хорошо знал как члена военных советов Харьковского,

Киевского и Прикарпатского военных округов. В том же сентябре пленум ЦК КП Армении освободил от обязанностей первого секретаря Г.А. Арутюняна.

В ноябре 1953 г. пленум Северо-Осетинского обкома КПСС снял с поста первого секретаря К.Д. Кулова за «непартийное поведение», выразившееся в том, что он вел себя «двулично», скрыв свое подхалимство и угодничество перед Берией и не раскритиковав недостатки в деятельности обкома и серьезные ошибки в своей собственной работе. Почувствовав, откуда и куда дует ветер, на местах, в райкомах и горкомах сразу же стали приниматься решения с просьбой к Москве вывести его из состава кандидатов в члены ЦК и даже рассмотреть вопрос об исключении его из партии {292}.

25-26 ноября 1953 г. пленум Тульского обкома КПСС признал неудовлетворительным выполнение постановления сентябрьского пленума ЦК и отстранил от обязанностей первого секретаря как не-справившегося В.И. Недосекина, присланного сюда чуть более года назад, и избрал на освободившееся место Н.И. Гусарова, бывшего главу Белорусской партийной организации, находившегося с 1950 г. в полуопале.

В конце ноября 1953 г. Хрущев принял личное участие в работе объединенного пленума Ленинградских обкома и горкома КПСС, на котором первый секретарь обкома В.М. Андрианов, привезенный сюда Маленковым в начале 1949 г. (когда начиналось так называемое «Ленинградское дело»), был заменен Ф.Р. Козловым {293}, сыгравшим потом немалую роль в утверждении единовластия Хрущева. Башкирский обком КПСС снова возглавил С.Д. Игнатьев, бывший министр госбезопасности, во многом обязанный Хрущеву тем, что сумел избежать репрессий весной этого года против работников бывшего МГБ, которое он возглавлял до смерти Сталина.

В самом конце 1953 и начале 1954 г. в отделе партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС были составлены справки о положении дел в 14 областных и республиканских организациях довольно негативного характера {294}. В 9 из них вскоре последовала замена руководства. 4 января 1954 г. Секретариат ЦК КПСС рассмотрел вопросы Костромского и Молотовского обкомов, предложив освободить А.И. Марфина и Ф.М. Пресса от обязанностей первых секретарей и избрать вместо них Л.И. Соколова и А.И. Струева {295}. Первый из них заведовал одним из секторов этого самого отдела ЦК, а второй при Хрущеве возглавлял Сталинский обком КП(б) Украины. 7 января Секретариат ЦК КПСС рассмотрел вопрос о Калининском обкоме, предложив заменить В.И. Кисилева на посту первого секретаря инспектором ЦК Ф.Р. Васильевым {296}. 23 января Секретариат ЦК КПСС обсудил «вопрос ЦК КП Молдавии» {297}. Результатом этого обсуждения стало то, что уже в феврале первый секретарь ЦК КП Молдавии Д.С. Гладкий, занимавший этот пост всего год с небольшим, был заменен З. Т. Сердюком, которого Хрущев хорошо знал по совместной работе в Киеве. В Воронежской и Крымской областях первыми секретарями стали Н.Г. Игнатов и Д.С. Полянский, в дальнейшем игравшие немалую роль как в укреплении власти Хрущева, так и затем в его свержении. 5-6 февраля 1954 г. пленум ЦК КП Казахстана избрал первым и вторым секретарями П.К. Пономаренко и Л.И. Брежнева вместо Ж. Шаяхметова и И.И. Афонова, а проведенный вскоре 7-й республиканский партийный съезд осудил как неправильную линию республиканских ЦК и Совмина в сельском хозяйстве и признал работу ЦК неудовлетворительной. Тогда же XX съезд Компартии Азербайджана признал неудовлетворительной работу своего ЦК, его первым секретарем стал И.Д. Мустафаев, а отставленный с этого поста М.Д. Багиров 2 марта был выведен из состава ЦК КПСС, арестован и вскоре приговорен к смерти. Был отозван в Москву, где его назначили заместителем министра лесной промышленности, то есть с явным понижением, первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС А.П. Ефимов {298}. Кроме того, в ЦК КПСС обсуждалась работа руководителей партийных организаций Таджикистана, Нов-городчины, Псковщины и Ярославщины {299}. Всего за 1953 – начало 1954 г. были освобождены от занимаемых ими постов 18 членов и 11 кандидатов в члены ЦК КПСС {300}.

Постепенно, по мере устранения всевозможных политотделов (при МТС, на крупнейших промышленных предприятиях и стройках) и отзыва министерских уполномоченных, складывается стройная система власти, стержнем которой является партийная вертикаль: центральный – республиканские, краевые и областные – районные комитеты КПСС с четко

разграниченной компетенцией. При этом Хрущев все больше ориентирует их на вовлечение буквально во все экономические дела регионов. Новые требования к партийной работе в передаче инструктора ЦК Пелепца, прибывшего в Молотов менять первого секретаря обкома, выглядели следующим образом:

– Партийной работы в чистом виде не бывает... Нам надо добиваться такого положения, чтобы все наши партийные работники хорошо знали конкретные вопросы производства и всю свою работу вели бы на обеспечение изобилия продуктов питания, жилья, обуви для трудящихся.

Бывший же областной руководитель Ф.М. Пресс, по его словам, не мог объяснить членам Президиума ЦК «сущность квадратно-гнездовой посадки картофеля и овощей», не мог сказать, «сколько высаживается корней капусты на 1 гектар», и вообще за четыре года «не изучил элементарные вопросы сельского хозяйства»{301}.

Между региональными партийными секретарями восстанавливаются межличностные связи. Они снова теперь встречаются на регулярно созываемых пленумах ЦК КПСС, на расширенных заседаниях его Президиума и Секретариата, на сессиях Верховного Совета и многочисленных совещаниях. Любопытное соображение по этому поводу высказывает пермский историк О.Л. Лейбович. По его мнению, формируется своеобразный политический клуб, состоящий из первых секретарей обкомов, председателей облисполкомов и министров. «Он нигде не зарегистрирован. В «клубе» отсутствует какой бы то ни было писанный устав и условия приема, однако он реально существует». Там происходит неофициальный обмен мнениями, вырабатываются некоторые нормы поведения. Благодаря этому происходит избавление от избыточной подозрительности и взаимоотчужденности. Члены «клуба» дисциплинированы по отношению к высшему руководству и по привычке, и по сохраняющейся зависимости, но могут и заявить о своих правах. «Иными словами, провинциальные секретари и высшие московские чиновники постепенно перестают быть послушными клиентами своих вельможных патронов; они обретают свой собственный вес»{302}.

Этот «своеобразный политический клуб» копировал во многом те отношения, которые сложились в центре, в «коллективном руководстве». Только с той разницей, что на региональном уровне отношения между первым секретарем парткома и председателем советского исполкома оставались традиционными – второй по-прежнему находился в подчинении у первого. Теперь и в центре дело шло к возвращению к такому же положению.

Маленков пытался как-то противиться усилению влияния Хрущева и для сохранения своих позиций рискнул перехватить у него инициативу, выступив с новацией в области внешней политики.

Начиная с 1954 г. в выступлениях руководителей партии и правительства все чаще употребляется термин «мирное сосуществование». Близилась выборы в Верховный Совет СССР 3-го созыва. 6 марта перед своими избирателями выступил Хрущев. Ссылаясь на Ленина, он говорил о возможности длительного мирного сосуществования социализма и капитализма. Молотов в своей речи 11 марта вообще не упомянул ни разу этого термина. А вот Маленков на следующий день поставил в данном вопросе все точки над «i». По его мнению, «холодную войну» неверно было бы рассматривать как некую альтернативу войне «горячей», «новой мировой войне», ибо одна готовит другую, а та, эта самая бойня, «при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации»{303}.

Интересно, что к схожему выводу тогда же пришли два всемирно известных ученых – физик Альберт Эйнштейн и философ Бертран Рассел. А вот в Президиуме ЦК КПСС Маленкову устроили за это настоящую выволочку. Особенно негодовал Молотов:

– Как это можно утверждать, что при атомной войне может погибнуть цивилизация? Тогда зачем же нам строить социализм, беспокоиться о завтрашнем дне? Уж лучше сейчас запастись всем гробами. Видите, к чему может привести такая теория? Она не способствует мобилизации общественного мнения на активную борьбу против преступных замыслов империалистов{304}.

Таким образом, эта новаторская идея не только не помогла Маленкову вырваться вперед, а, наоборот, восстановила против него все «коллективное руководство». Он вынужден был дать отбой. А Хрущев на первой же сессии нового Верховного Совета, открывшейся 20 апреля 1954

г., выступая в прениях по бюджету, как бы поправил задним числом главу правительства в этом вопросе.

– Если империалисты попытаются развязать новую войну, – категорически и безапелляционно заявил он, – то она неминуемо окончится крахом всей капиталистической системы{305}.

Этого тезиса наши руководители неизменно придерживались 33 года. И все это время упорно строили, расширяли и совершенствовали убежища от термоядерной катастрофы. Для себя, естественно, а не для простых людей.

В газетных отчетах Маленков все еще называется первым. Но уже после июньского пленума ЦК газетчики перестроились и стали перечислять членов Президиума ЦК строго по алфавиту, что свидетельствовало о новых подвижках в отношениях между членами коллективного руководства и о дальнейшем ослаблении позиций в нем Маленкова.

Как и год назад, сплочение произошло вовсе не на реформаторских, а на консервативно-охранительных позициях.